

Летописец еврейских скитаний

Для еврейского народа XX век — век скитаний: миллионы людей эмигрировали из Старого света в Новый, другие миллионы бежали от нацизма, пытаясь найти безопасное убежище хоть где-то, не говоря уже о том, что несколько миллионов человек связали свою судьбу с Эрец Исраэль. Еврейский народ тем, пожалуй, и отличается от остальных, что очень мало кому из его сынов и дочерей удалось прожить в XX веке жизнь там же, где они родились.

Рафаэль Хволес, 1963

Легенда об Агасфере остается лишь легендой, но весь XX век еврейский народ был народом-скитальцем.

Многие из перипетий еврейской истории XX века отразились в скитальческой судьбе одного из наиболее самобытных деятелей культуры — Рафаэля Моисеевича Хволеса (1913-2002). Он родился в Вильне, бывшем тогда частью Российской империи, накануне Первой мировой войны, вследствие которой империя эта распалась, а город в 1922 году был включен в состав Польши. Первые детские годы Рафаэль провел в доме №4 по улице Немецкой, а в подростковом возрасте жил в доме №10 на улице Езёрной в еврейском квартале города. Мальчик получил начальное религиозное образование, затем учился в еврейской гуманитарной гимназии. Поскольку с детства его тянуло к искусству, а возможности семьи это позволяли, Рафаэль брал частные уроки у художников Моисея Лейбовского, Александра Штурмана и Бера Залкинда, погибших позднее в годы Холокоста, а также посещал вечерние занятия в Школе художественных ремесел. После создания в 1929 году группой еврейских литераторов и художников объединения «Junge Vilne» («Молодой Вильнюс») Хволес включился в его деятельность, стремясь соединить еврейское религиозное наследие с модернистскими тенденциями в искусстве. В 1933 году он дебютировал на выставке молодых художников Вильнюса, а в 1935-м его работа «Бездомный мальчик» была удостоена награды за лучший портрет.

С 1936 года Хволес участвовал в деятельности Общества вильнюсских еврейских художников, входил в состав его правления, преподавал рисование в еврейских школах. В 1938 году прошла его первая — и, как оказалось, последняя в родном городе — персональная выставка, где были представлены около ста работ, ни одна из которых, к сожалению, не сохранилась. Историкам очевидна трагедия, связанная с утратой произведений, созданных погибшими в огне Холокоста деятелями науки и культуры, однако и тем, кто выжил, не удалось, как правило, сохранить практически ничего — результаты и их многолетних трудов погибли безвозвратно.

Пакт Молотова — Риббентропа перекроил карту Восточной Европы, часть территории Польши, а затем и Литва были оккупированы СССР. В 1940 году Рафаэля Хволеса назначили директором художественной школы при Доме народного творчества в городе Вилейке, бывшем в 1939-1944 годах областным центром в составе Белорусской ССР. В момент нападения Германии на Советский Союз художник находился в Минске, откуда успел эвакуироваться в Горьковскую область, где входил в состав строительного железнодорожного батальона; его беременная жена Марианна была схвачена нацистами по дороге из Вильнюса в Минск и погибла. Сам он в 1942-м обосновался в поселке Красные Баки на берегу реки Ветлуга, где оформлял мероприятия, проходившие в Доме культуры, рисовал декорации, а также писал по фотографиям портреты погибших воинов. Там же он второй раз женился на эвакуированной москвичке Марии Пономаревой, в 1944-м родился их старший сын Александр.

После краткосрочного пребывания в Москве в 1945 году Рафаэль Хволес вернулся в Вильнюс, где узнал, что его родители Моше и Хава-Лея и три сестры были убиты нацистами; из всей большой семьи спастись удалось только двум сестрам — Софии (ее не стало восемь лет назад) и Ривке (она и поныне живет в израильском Ашдоде). С тех пор развалины родного города, особенно еврейского квартала, его улочки и дворы стали основным мотивом творчества Хволеса. Многие из навсегда утраченного погибли не в годы Холокоста, а впоследствии, в конце 1940-х годов еще сохранившиеся, пусть и не в первоизданном, но виде, позволя-

шем представить изначальный облик тех или иных зданий и улиц. Так, фрагменты Вильнюсской Хоральной синагоги были снесены до основания только в 1955-м, до этого здание можно было восстановить! Помня об этом, очевидно, что созданный Хволесом в те годы цикл работ «Вильнюсское гетто» является уникальным художественно-историческим и этнографическим документом. От художников не ждут, что именно их работы позволят потомкам сохранить в памяти те или иные исторические пласты, однако в случае Хволеса уникальна именно его роль художника-летописца, сохранившего для будущего то прошлое, о котором некому даже рассказать: литовцы оплакивают другие потери, а евреев, помнивших, как выглядели населенные их предками улицы и дворы в центре Вильнюса, почти не осталось.

В Советской Литве отношение к Хволесу было двойственным, что отражало отношение властей к евреям в целом: с одной стороны, в 1951 году он был принят в Союз художников СССР, его включили в состав творческих групп, посетивших Грузию и Латвию. С другой, его работы на еврейские темы никогда не экспонировались, а поскольку других у него почти не было, то и выставок у него за все четырнадцать послевоенных лет, прожитых в Вильнюсе, не было ни одной. 24 августа 2004 года на доме по ул. Тилто, 13, где с 1945-го по 1956-й год проживал Рафаэль Хволес и где в 1951 году родился его младший сын Милий, в честь художника была установлена мемориальная доска, однако творчеством художника в Вильнюсе в те годы, кроме отдельных ценителей, никто не интересовался. Власти позволяли художникам еврейского происхождения вести активную выставочную и педагогическую деятельность при условии, что те станут воспевать будни социалистического строительства — тем же, кто вождям революции и продолжателям их дела предпочитал развалины синагог и работы на библейские темы, советское государство ничего предложить не могло и не хотело.

В 1957 году уроженцам Польши и обладателям польского гражданства, жившим в СССР, разрешили вернуться на родину. Несколько десятков тысяч человек воспользовались этой возможностью, в том числе сестры Хволеса, почти сразу направившиеся из Польши в Израиль. Сам художник колебался, но в 1959-м, не видя никаких перспектив для еврейской культуры в СССР, все же решил уехать — сестры его к тому времени Варшаву уже покинули, из всей когда-то большой семьи он оказался в новой стране (ПНР Владислава Гомулки мало напоминала межвоенную Польшу Пилсудского — Мосцицкого) один. Третий раз начиная жизнь заново, Хволес едва ли мог знать, что и эта эмиграция для него не последняя.

До 1967 года творческая судьба Хволеса в Польше складывалась немало благополучнее, чем в СССР: за восемь лет в разных городах страны прошло более десяти его персональных выставок! Он продолжал писать картины и акварели, рисовал афиши для театра и кино, иллюстрировал еврейские книги, а также создал цикл монотипий «Библейские мотивы» (в этой технике —

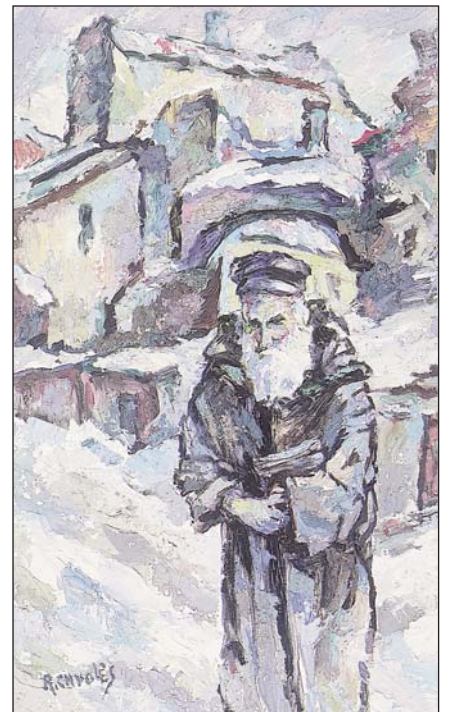
«Помни», 1970

оттиск на бумаге с изображением, написанного краской на гладкой поверхности стекла, — он много работал, начиная с 1958 года). В 1964-м художник был избран председателем комиссии по культуре Общественно-культурного общества евреев Польши. Более того: при поддержке комитета «Джойнт» Хволес побывал в Испании и Марокко, где, в частности, создал ряд зарисовок синагог и их прихожан. Однако в конце 1960-х — как вследствие разрыва дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны, так и в связи с антиправитель-

ственными волнениями в самой Польше — в стране были в значительной мере свернуты плюралистические свободы в сфере культуры, в особенности, еврейской. Польша стала всё больше походить в этом плане на Советский Союз, что вынуждало еврейских интеллектуалов задумываться о новой эмиграции. В 1969 году семья Хволеса приняла решение покинуть Польшу.

Тридцать три последних года своей жизни выдающийся художник фактически жил на две страны.

Основным местом его обитания была Франция, но спустя четверть века после Холокоста почти никого из нескольких сотен работавших когда-то на Монпарнасе художников еврейского происхождения уже не было в живых: ни Жюля Паскина, ни Хаима Сутина, ни Моисея Кислинга, ни Мане-Каца, ни Михала Кикоина... Хволес был еврейским художником в городе, культурные институты

«На молитву», 1975

которого поставили во главу угла ценности космополитизма, а еврейское искусство воспринималось сугубо как удел прошлого. В 1972, 1976 и 1981 годах Хволесу удалось провести в Париже персональные выставки — все они проходили исключительно в еврейских общинно-культурных центрах, что масштабу дарования мастера никак не соответствовало. Однако ни один из французских музеев современного искусства за треть века жизни художника в этой стране не распахнул для него свои двери. В качестве еврейского художника Франции вполне хватало одного Марка Шагала. Во Франции не было государственного антисемитизма, но у местных музеев и галерей была совершенно другая повестка дня, в которую экспрессионистская живопись певца «литовского Иерусалима» не вписывалась совсем. Хволес рисовал, конечно, и Францию, и другие посещенные им страны, как до этого он рисовал Польшу, но тема уничтоженного духовного и материального мира «литовского Иерусалима» и восточноевропейского еврейства в целом оставалась каркасом всего его творчества.

Свою среду художник в значительной степени нашел среди деятелей идишской культуры в Израиле, где в 1986 и 1987 годах прошли его последние прижизненные персональные выставки. Они тоже проходили не в художественных музеях, а в «Яд ва-Шем» и в Музее борцов гетто — в Израиле тоже не оценили Хволеса-живописца, но хотя бы признали его заслуги как летописца своего жестокого времени. В середине 1990-х годов Хволес был удостоен в Израиле двух премий: имени Ицика Мангера и имени Шолом-Алейхема, обычно присуждаемых не художникам, а литераторам и ученым, пишущим на языке идиш. В Центре им. Шолом-Алейхема в Тель-Авиве был установлен большой витраж «Памятная молитва», выполненный по проекту Хволеса. Показательно, что статью о «Яд ва-Шем», написал участник группы «Junge Vilne» идишский поэт и прозаик Авром Суцкевер — живший в Израиле одногодок Хволеса, мать и жена которого также были убиты в Вильнюсе нацистами.

Подвижническими усилиями своего младшего сына Рафаэль Хволес вернулся на родину: в 2004, 2009 и 2012 годах в еврейских организациях Вильнюса прошли три персональные выставки этого замечательного художника, были изданы два великолепных альбома, посвященных его творчеству.

Давно пора осознать место этого мастера как одного из наиболее значимых деятелей еврейской культуры XX века, скитания которого, отраженные в его искусстве, привели к появлению исключительного корпуса работ высочайшего художественного уровня.

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»